

Краткая история идеи прогресса

Ален де Бенуа

Идея прогресса является одной из теоретических предпосылок Модерна. Не без причины ее часто называют «подлинной религией западной цивилизации». Исторически эта идея была сформулирована приблизительно в 1680г. в ходе спора «ревнителей древности» и «современников», в котором участвовали **Террассон, Перро, аббат де Сен-Пьер и Фонтенель**. Она уточнялась по инициативе следующего поколения, к которому принадлежали **Тюрго, Кондорсе и Луи-Себастьян Мерсье**.

Прогресс можно определить как процесс, проходящий через этапы, последний из которых по времени рассматривается как наилучший и предпочтительный, т.е. качественно превосходящий предыдущие. Такое понимание включает в себя как описательный аспект (изменение происходит в заданном направлении), так и аксиологический (развитие понимается как улучшение). Таким образом, здесь говорится об ориентированном изменении, ориентированном к лучшему. Об изменении одновременно необходимым (нельзя остановить прогресс) и необратимом (не существует возможности возврата к прошлому). Улучшение неизбежно, а значит завтра будет лучше, чем сегодня.

Теоретики прогресса делятся, исходя из отношения к его направлению, ритму и природе сопровождающих его изменений, а также к его главным действующим лицам. Тем не менее все они согласны с тремя ключевыми идеями: 1) линейная концепция времени и идея о том, что история имеет смысл, устремленный в будущее; 2) идея фундаментального единства человечества, эволюционирующего в одном и том же направлении; 3) идея о том, что мир может и должен быть трансформирован, подразумевающая, что человек является полноправным хозяином природы.

Эти три идеи обязаны своим появлением христианству. Начиная с XVII в., с расцветом науки и техники, они переформулируются в светском ключе.

Для древних греков реальна только вечность. Аутентичное бытие неподвижно: циклическое движение, подразумевающее вечное возвращение одного и того же, является наиболее совершенным выражением божественного. Если и существуют спады и подъемы, прогресс и упадок, то только внутри одного цикла, который неизбежно будет сменен другим (теория чередования веков у Гесиода, возвращения золотого века у Вергилия). С другой стороны, предопределенность идет из прошлого, а не из будущего. Термин архэ отсылает нас одновременно к истоку («архаика») и к авторитету («архонт», «монарх»).

В Библии история становится объективным феноменом, динамикой прогресса, который ведет в мессианской перспективе к наступлению нового мира. Книга Бытия наделяет человека миссией «господствовать на Земле». Темпоральность является тем вектором, благодаря которому наилучшее последовательно раскрывает себя в мире. Одновременно событие играет спасительную роль: Бог открывает себя исторически. С другой стороны,

темпоральность направлена к будущему: от Творения ко Второму Пришествию, от Райского Сада к Страшному Суду. Золотой век уже находится не в прошлом, но в конце времен: история закончится и закончится благополучно, по крайней мере, для избранных.

Такая линейная темпоральность исключает всякое вечное возвращение, всякую смену циклов, которая имеет своим прообразом смену времен года. Начиная с **Адама** и **Евы**, священная история спасения подразумевает исключение всякого упоминания о вечности, проходит через неповторяющуюся стадию древнего Завета, и в христианской версии находит свою кульминацию в Воплощении Спасителя. **Блаженный Августин** был первым, кто применил библейскую концепцию к всемирной истории человечества, заявив, что она развивается к лучшему от века к веку. Теория прогресса секуляризовала эту концепцию истории, в результате чего появились все историцизмы Модерна. Главным различием между этими концепциями является то, что будущее в светской версии заняло место потустороннего, а спасение было заменено счастьем. В христианстве прогресс мыслится скорее эсхатологически, чем исторически в полном смысле этого слова. Человек должен искать свое спасение здесь, внизу, не теряя, однако, из виду горнего мира. Кроме того признается превосходство божественного плана. Наконец, христианство, как и стоицизм, прокликает ненасытное желание, и говорит о том, что мудрость заключается не в умножении желаний, но в их ограничении. Однако, согласно Апокалипсису, Страшному Суду будет предшествовать благодатное тысячелетнее царство. Это видение мира вызвало к жизни учение Иоахима Флорского, секуляризовавшего теории Августина.

Для того, чтобы прийти к своей современной формулировке, теория прогресса нуждалась в дополнительных элементах. Таковые появились уже в эпоху Ренессанса, но получили расцвет в XVII столетии.

Бурное развитие науки и техники вкупе с открытием Нового Света породили иллюзию существования бесконечного поля для улучшения жизни. **Фрэнсис Бэкон** был первым, кто использовал слово «прогресс» во временном, а не в пространственном значении. Он утверждал, что человеку предназначено господствовать над природой, познавая ее законы. **Декарт** также предлагал людям стать господами и хозяевами природы. Последняя, записанная на «математическом языке» **Галилея**, становится отныне мертвой и бездушной. Космос сам по себе уже не является носителем смысла. Он теперь не более, чем механизм, который надо разобрать, чтобы инструментализировать и лучше использовать. Мир становится чистым объектом для человека-субъекта. Человек усваивает убеждение в том, что благодаря всеильному рассудку он может быть самодостаточным.

Космос древних уступает место современному космосу – гомогенному, геометрическому и (быть может) бесконечному, управляемому причинно-следственными связями. Модель, наиболее близкая этой механической модели – это модель часов. Время тоже становится гомогенным, измеряемым. Это «время торговцев», замещающее «время крестьян» (**Жак ле Гофф**). Новый научный дух выковывает техническую ментальность. Основной задачей техники является аккумуляция полезности, т.е. помогать в производстве полезных вещей.

Существует очевидное совпадение между этим научным оптимизмом и устремлениями класса буржуазии утвердиться на национальных рынках, создание которых идет рука об руку с созданием централизованных королевств. Буржуазное мировоззрение рассматривает в качестве «реальных» только исчисляемые вещи, т.е. рыночные ценности. Позже **Жорж Сорель** назовет теорию прогресса «буржуазной доктриной».

В XVIII в. классические экономисты (**Адам Смит**, **Бернар Мандевилль**, **Дэвид Хьюм**) в свою очередь реабилитировали ненасытное желание: по их выкладкам, нужды человека способны непрерывно увеличиваться. По их мнению в природе человека всегда желать большего и действовать соответственно, непрерывно изыскивая свой интерес. Будучи связанными с оптимизмом, эти воззрения сделали относительной тематику первородного греха или постарались стереть память о ней.

Новые умы особенно подчеркивали накопительный характер современного знания. Выводом из этого становится необходимость существования прогресса: чем больше будет всего, тем лучше будут идти дела. Хороший разум «состоит из всех, которые ему предшествовали», что подчеркивает превосходство современных людей. В Средневековье **Бернар из Клерво** говорил: «Мы – карлики, стоящие на плечах у гигантов». А вот в Новое время авторитета древних уже не стало. Напротив, Традиция стала рассматриваться как препятствие на пути марша рассудка. Сравнение прошлого с настоящим, всегда в пользу последнего помогло раскрыть движение к будущему. Само это движение стало трактоваться в повелительном наклонении: прогресс, рассматривавшийся ранее как цель движения, стал отныне распознаваться как принцип эволюции.

Другой идеей, уже сформулированной Августином, является идея о едином человечестве, которое постепенно избавляется от «детства» первых веков, чтобы войти во взрослый возраст. Тюрго говорит о «роде человеческом, рассмотренном с самых своих истоков...который в глазах философа, несмотря на всю свою необъятность, имеет и свое детство и свое взросление». Механизм здесь уступает место органицистской метафоре, но это парадоксальный органицизм, поскольку он не имеет представления ни о старости, ни о смерти. Эта идея коллективного организма, становящегося все более «взрослым», положила начало современной идее развития, понимаемого как безграничный рост. В восемнадцатом столетии это привело к определенному презрению к детству, которое шло рука об руку с презрением к началу и к происхождению, понимавшимся как низшие состояния.

Понятие «прогресса» подразумевает также идолатрию нового: всякое новшество априори лучше только, исходя из его новизны. Данная жажда нового, которое позиционировалось как синоним лучшего, стала одной из тяжелых маний современности. В искусстве она привела к появлению авангарда, имеющего свои аналоги в политике.

Теория прогресса обладает всеми своими составляющими. Тюрго в 1750 г., а затем Кондорсе выразили ее в следующей формуле: «Вся совокупность рода человеческого постоянно идет к все большему совершенству». История человечества отныне трактуется как нечто формально и актуально единое. От христианства здесь остается идея о будущем совершенстве человечества и о том, что оно движется к единой цели. При этом отброшена

роль Провидения, место которого заступает человеческий рассудок. Универсализм отныне основывается на предпосылке «единое и целое в каждом», игнорирующей все контексты, сметающей все частные различия.

Параллельно человек позиционируется в теории прогресса не только как существо с неутолимыми желаниями и нуждами, но и как существо совершенствуемое до безграничности. Новая антропология рассматривает человека изначально как чистый лист бумаги, как комок мягкой и податливой глины, или наделяется абстрактной «природой», совершенно оторванной от конкретных условий его существования. Человеческое разнообразие, индивидуальное или коллективное, рассматривается как несущественное и свободно трансформируемое образованием или средой. Понятие искусственного становится центральным и является синонимом рафинированной культуры. Человек может достичь человечности, только преодолев природу, от которой надо освободиться, чтобы стать «цивилизованным».

Таким образом, человечество должно освободиться от всего, что создает препятствия на его пути к прогрессу: от «предрассудков», «суеверий» и «груза прошлого». Отсюда косвенно вытекает оправдание террора: если необходимой целью человечества является прогресс, то тот, кто стоит преградой на его пути, должен быть подавлен; тот, кто противится прогрессу человечества может быть с полным правом исключен из его рядов и объявлен «врагом народа» (отсюда сложности в примирении двух кантовских тезисов о равном достоинстве людей и прогрессе человечества). Тоталитарные режимы Модерна (советский коммунизм, национал-социализм) вывели из этого идею «лишних людей», одно лишь существование которых мешает наступлению «прекрасного нового мира».

Такое отрицание природы и прошлого часто представляли как отказ от детерминизма. В действительности же детерминация прошлым просто сменилась детерминацией будущим, поиском «смысла истории».

Присущий теории прогресса оптимизм распространился на все сферы, на человека и общество. Царство разума должно было распространиться на общество, «прозрачное» и умиротворенное. «Приятная коммерция» (Монтескье), считавшаяся желанной для всех слоев общества, должна была заменить конфликт (прогрессисты наивно считали, что возможно построить бесконфликтное общество) торговым обменом. Аббат де Сен-Пьер еще до **Канта** выступил с проектом «вечного мира», жестко раскритикованным Руссо. Кондорсе призывал рационально усовершенствовать язык и орфографию. Мораль должна была стать чем-то вроде науки. Система образования должна была отучить детей от всех «предрассудков», которые понимались как источник всякого социального зла, и научить их действовать только с помощью разума.

Движение человечества к счастью было проинтерпретировано и как достижение морального совершенства. Люди Просвещения считали само собой разумеющимся, что в будущем разум усовершенствуется, и человечество станет морально лучше. Прогресс уже не считался чем-то внешним по отношению к существованию. Он должен был трансформировать человека. Прогресс, достигнутый в одной области, неизбежно должен был перекинуться на остальные. Материальный прогресс должен был повлечь за собой

прогресс моральный.

В политическом плане теория прогресса исполнена духом отрицания политики. Взгляд теоретиков прогресса на Государство крайне амбивалентен. С одной стороны, Государство нарушало автономию экономики, считавшейся преимущественной сферой «свободы» и рационального действия. **Уильям Годвин** говорил, что правительства по своей природе создают препятствия на пути человека вперед. С другой стороны, в контрактualистской теории **Гоббса**, Государство позволяло человеку преодолевать противоречия, вытекающие из его «природного состояния». Таким образом, государство считалось одновременно двигателем прогресса и его препятствием.

Наиболее распространенной является идея о том, что политика сама должна стать рациональной. Политическое действие должно перестать быть искусством, управляемым принципом мудрости и стать наукой, управляемой принципом разума. В просвещенческой картине мира общество выглядело как механизм, а люди – как его винтики. Оно должно управляться по принципам, столь же незыблемым как и научные принципы физики. Монарх рассматривался как механик, в обязанности которого входило развивать «социальную физику» к «наибольшей общественной пользе». Эта концепция послужила причиной появления технократии и административно-управленческого понимания политики у **Сен-Симона** и **Огюста Конта**.

Рассматривая прогресс, очень важно знать, является ли он бесконечным или останавливается на какой-либо финальной стадии, которая станет либо абсолютной и последней новизной, либо восстановлением прошлого совершенного состояния: гегелевский синтез, бесклассовое общество **Маркса**, «конец истории» **Фрэнсиса Фукуямы** и т.д. Можно также задаться вопросом, познаваема ли финальная цель истории (если она существует). В какую сторону разворачивается прогресс или он разворачивается только на самого себя?

Здесь либералы имеют обыкновение полагать прогресс в качестве бесконечного улучшения человеческого состояния, в то время как социалисты думают, что у прогресса есть счастливый определенный конец. В этом втором отношении смешиваются прогрессизм и утопизм: поступательное движение должно привести к стационарному состоянию, история движется лишь для того, чтобы яснее обрисовать свою цель. Первое направление претендует на то, чтобы быть более реалистичным. Но так ли это? С одной стороны, если человек движется к совершенству, которое должен реализовать, то не наступит ли день, когда совершенствование прекратится? С другой стороны, если у прогресса нет познаваемой цели, то как оценить является ли последующая стадия развития общества прогрессом по отношению к предыдущей?

Другой вопрос: является ли прогресс безличной, неконтролируемой силой или люди могут вмешиваться в него, чтобы ускорить его поступательное движение или отбросить то, что ему мешает? Является ли прогресс постоянным и непрерывным или подразумевает качественные скачки и разрывы? Можно ли вмешавшись в прогресс улучшить его ход или таким образом есть риск, напротив, его замедлить? В этом аспекте либералы, сторонники «невидимой руки» также отличаются от социалистов, кажущихся волонтеристами и

революционерами.

Теория прогресса достигает своего апогея на Западе в XIX веке. Она переформулируется в новую эпоху, отмеченную промышленной модернизацией, научным позитивизмом, эволюционизмом и большими историческими теориями.

Теперь акцент смещается более на науку, нежели на разум в философском понимании этого слова. Надежда вызревает теперь вокруг научной организации общества. Наука является отныне матрицей всех феноменов. Это тема, к которой постоянно возвращаются Фурье со своими фаланстерами, Сен-Симон со своими технократическими принципами, Огюст Конт со своим «Катехизисом позитивизма» и «религией прогресса».

Термины «прогресс» и «цивилизация» становятся почти синонимами. Кстати, это служит обоснованием колонизации, которая необходима для того, чтобы повсюду распространить блага цивилизации.

Понятие прогресса было переформулировано в свете дарвиновского эволюционизма. Эволюция живого существа также была интерпретирована как прогресс (особенно **Гербертом Спенсером**, считавшим прогресс эволюцией от простого к сложному, от гомогенного к гетерогенному). Итак, условия прогресса ощутимо изменились. Механицизм Просвещения теперь стал сочетаться с биологическим органицизмом, в то время как апология пацифизма уступила место воспеванию «борьбы за жизнь». Прогресс теперь становится селекцией наиболее «способных» («лучших») в перспективе конкуренции. Такая интерпретация устраивает западный империализм: цивилизация Запада самая лучшая, потому что она наиболее развитая.

Это было максимальным размахом социального эволюционизма. История человечества была разделена на последовательные «стадии», соответствовавшие различным этапам прогресса. Распределение различных культур в пространстве было экстраполировано на время: «примитивные» общества должны были служить западным людям примерами их собственного прошлого («современные предки»), в то время как Запад представлял их будущее. Кондорсе уже разделял историю общества на десять последовательных этапов. Гегель, Огюст Конт, Карл Маркс, **Фрейд** и т.д. предлагали похожие схемы. Например, от «верований» к науке, от «теологического» этапа к этапу позитивной науки, от «примитивной» или «магической» ментальности к ментальности «цивилизованной».

Эта теория, сопряженная с научным позитивизмом, которая затрагивает в первую очередь антропологию, и питает иллюзию о том, что можно расположить культуры на ценностной шкале, породила расизм. Последний рассматривает традиционные цивилизации либо как определенно низшие, либо как «запаздывающие в развитии». «Цивилизаторская миссия» колониальных держав состоит в том, чтобы преодолеть это опоздание. Расизм же полагает, что существует универсальный критерий, всеобъемлющая парадигма, позволяющая выстроить иерархию культур и народов. Он прямо связан с универсализмом прогресса, скрывающим неосознанный или замаскированный этноцентризм.

Мы не будем обсуждать здесь ни критику идеи прогресса, разворачивающуюся в эпоху

Модерна, начиная с **Руссо**, ни противопоставленные теории прогресса многочисленные доктрины упадка или декаданса. Отметим только, что последние часто (но далеко не всегда) представляют собой негативных двойников, зеркальные отражения идеи прогресса. Идея необходимого движения в истории сохраняется, но в обратной перспективе: история воспринимается не как постоянное развитие, но как неумолимый регресс. Фактически, учения об упадке или декадансе еще менее объективны, чем прогрессизм.

На протяжении как минимум двадцати лет не перестают появляться работы, разоблачающие «иллюзию о прогрессе». Некоторые авторы даже объявили прогресс «мертвой идеей» (**Уильям Пфафф**). Действительность, однако, имеет гораздо больше нюансов. Сегодня теория прогресса ставится под вопрос, но несомненно, что она выживет в различных формах.

Тоталитарные режимы 20 века и две мировые войны подорвали оптимизм двух предшествующих веков. Утрата иллюзий и крушение революционных надежд привели к идее о том, что современное общество, каким бы бессмысленным и безнадежным оно не казалось, является единственно возможным. Общественная жизнь все больше воспринимается в оптике фатализма. Грядущее, которое становится все более непрогнозируемым, вызывает больше тревог, нежели надежд. Углубление кризиса кажется более вероятным, чем «светлое будущее».

Идея прогресса дала серьезную трещину. Никто уже больше не верит в то, что материальный прогресс делает человека лучше, а прогресс, достигнутый в одной области, автоматически перекидывается на другие. В «обществе риска» (Ульрих Бек) прогресс проявляет себя амбивалентно. Уже признается, что за те преимущества, которые он дает, приходится платить дорогой ценой. Дикая урбанизация породила многие социальные патологии, а промышленная модернизация вызвала беспрецедентную деградацию естественной жизни. Массивное разрушение окружающей среды дало начало многочисленным экологическим движениям. Они были первыми, кто усомнился в однозначности прогресса. Безграничное развитие технической науки поставило вопрос о своих целях. Прогресс наук уже не воспринимается как нечто, приносящее человечеству безусловное благо. Само знание, как видно из дебатов, которые были вызваны появлением биотехнологий, воспринимается как источник угроз. Все более и более широкие слои населения понимают, что оно не является синонимом лучшего. Они начинают проводить различие между «иметь» и «быть», между материальным благополучием и счастьем в собственном смысле этого слова.

И все же тематика прогресса продолжает оставаться привлекательной, по крайней мере, в символическом плане. Политический класс продолжает взывать к «прогрессивным силам» против «людей прошлого» и обличать «средневековый обскурантизм». В общественном дискурсе слово «прогресс» сохраняет положительный резонанс.

Ориентация в будущее также остается доминирующей. Даже если ближайшее будущее воспринимается как источник угроз, с далеким будущим связываются надежды на лучшее. Культ новизны, обретший новую опору в виде технологий и смены мод, диктуемой

масс-медиа, сегодня сильнее, чем когда-либо. Многие продолжают верить и в то, что человек тем свободнее, чем более он избавился от своих биологических характеристик и исторической обусловленности. По-прежнему правит бал индивидуализм, опирающийся на плохо замаскированный западный этноцентризм и идеологию прав человека. Сейчас он выражается в разрушении семьи, упразднении социальных связей и дискредитации традиционных обществ стран Третьего мира, где индивиды все еще сохраняют солидарность в рамках своей общины.

Однако, прежде всего, идеология прогресса остается представленной в своей продуктивистской версии. Она подпитывается идеей о том, что бесконечный рост является нормальным и желательным, о том, что лучшее будущее обязательно наступит благодаря увеличению объема производства материальных благ, чему поспособствует мондиализация. Эта идея инспирирует сегодня идеологию «развития», которая по-прежнему рассматривает общества Третьего мира как «недоразвитые», а западную модель производства и потребления как возделенную цель для всего человечества. Эта идеология развития была сформулирована в 1960 году Уолтом Ростоу, перечислившим стадии, которые должны пройти все страны мира для достижения уровня потребления развитого торгового капитализма. Как показали различные авторы (**Серж Латуш, Гильберт Рист**), теория развития является всего лишь верованием. Когда это верование будет отброшено, кончится и идеология прогресса.